

Формаслов

Москва

2021

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
ГЗ7

ГЗ7

Герасимова, Александра

Метрика / Александра Герасимова. — М.: Формаслов, 2021. — 150 с.

ISBN 978-5-6046172-3-6

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации и технического содействия Союза российских писателей

«Метрика» — дебютная книга Александры Герасимовой, в которую вошли стихи, написанные с 2018 по 2021 год. Подобно тому как метрические данные (имя, рост, вес) являются первым подтверждением человеческого существования в материальном мире, отпечатанная впервые книга приносит поэту овеществление в мире литературном. Каждое из стихотворений «Метрики» предпринимает попытку доискаться первоначальной сути вещей. Живое существо поэтической речи захватывает пространство, стремясь не только осязать все окружающее, но и охватить взглядом то, чему только предстоит случиться.

ISBN 978-5-6046172-3-6

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© А. Герасимова, текст, 2021
© Формаслов, 2021

АЛЕКСАНДРА ГЕРАСИМОВА

МЕТРИКА

что ты там видел друг мой
за меловой рекой
белый прообраз буквы
беглый неупокой

угольный оголтелый
в темени перезвон
вовсе чего ни делай
неизрекаем он

ни из чего как чудо
как золоченье чувств
я ещё буду буду
выживу изречусь

и в этих зимах снеговых
и в этих вёснах
серчают питерские львы
скребутся вёсла
о невский лёд и волжский плёс
ни хмур ни весел
уткнулся лось в таёжный лес
рога повесил

по всей взметеленной земле
по праву слова
ничто о горести и зле
и что такого

спишь просыпайся спишь
ну же проснись же ну
у горизонта тишь
в алую глубину

в этот прощальный свет
заново всё начни
выгоревший ночник
звонкие по-руч-ни
эти слова ничьи
значит ли что их нет

I

ОЙКУМЕНА

*Ни о чем не нужно говорить,
Ничему не следует учить,
И печальна так и хороша
Темная звериная душа...*

Осип Мандельштам

мы так начинались
от белой печи
в которой белугой
блажат кирпичи
я — мышью
он — брёвненным срубом
и в нас не бывало
ни горя ни сна
дурного
а только —
резная сосна
и предошущение
чуда

он вышел на берег
озёрной дуги
и эти его
землемера шаги
горели на коже песочной
и знать он не знал
что тем отмежевал
себя от перин
и парных одеял
за скважиною
замочной

а что до меня
то за мною пришли
вернее
как глину
меня обожгли
с петель
посыпали двери
и я зажила
до волокон гола
изнеженно
будто печная зола
так помнящая
о древе

но мы не бывали
до самой зимы
и даже когда
под другие дымы
котельные пороховые
мы встали
как если бы
под камнепад
он всё ещё цвёл
как фиалковый сад
и круглый как облако
яблочный взгляд
мою сердцевину
выел

потом ещё долго
его я звала
всё бедственнее

холодела зола
и злость моя
свиристела
но он пустовал
как заброшенный дом
смотрел сквозь меня
и древесным углём
всё начерно
багровело

и сделался снег
и в четыре руки
мы были
невысказанны
и горьки
и голод перечил горлу
тогда он увидел меня
и над ним
как будто свинцовый
исторгнулся дым
и в памяти
дрогнул
горкло

и всё возвратилось
на круги своя
и в белой печи
до предсердья ничья
отплясывала древесина
и подпол звенел
от мышиною возни
и угол завзятый

какой ни возьми
был выметен
и предзимен

и чудо свершалось
в дубовом столе
и слове случайном
и в сонной золе
в напернике
медном блюде

и мы становились
на стылый порог
и в нас заговаривал
яблочный бог

о том как фиалковый
свят лепесток

и чем мы
друг другу
люди

ты так напоминал мне свет
которого в помине нет
которым всё когда-то будет
от озера и до крыльца
что были мы какие люди
что не бывало в нас лица
литого сердца белых рук —
один испуг

из обожжённого стекла
и этот свет и эта мгла

по стопке книг по сколку дня
сухого воздуха постольку
ты так оберегал меня
что стыло колко
у самой рёберной дуги
мело у самого порога
не выйди не превозмоги
не требуй много

горит трамвайного огня звезда
в снегах ни дна ни спаса
и нет сохраннее меня
и ненапрасней

там зацвели сливы
осы тянули нить
там бы и быть счастливым
и не повременить
и не свернуть в овраги
и не сорвать с куста
чёрные передряги
красные до креста
крохотной сердцевины
там васильковый мёд

кто тебя наспех вынул
кто теперь разберёт

гудели на рыночной площади
аптекари и купцы
блестели горшки и лошади
обгладывали уздцы

во всякой утопши всячине
из мускуса куркумы
по сути ещё не начаты
себя предрекали мы

и парус ревел неистово
и не было в том стыда
как старились кипарисово
от нежности города

в порту замирали полночи
полудни тянули трал
когда и родства не помнящий
мой слог тебя переврал

и вот они снеги белые
струится печной дымок
под звёздным медвежьим телом
взор путника одинок

грядёт ему сновидение
в ночлежной его тиши
два в этих краях рождения
две слаженные души

— в закатной мякине маковой
дух ветренный золотой —

и так они одинаковы
по сути неясной той
что всё что бывало ранее
и сбудется вслед тому —
не краткое умирание
не радостное уму

но маетное сквозное
искание одного

и путнику мнится море
и парус в груди его

в воздухе креозотном
в замоскворецкой мгле
может быть повезёт нам
двум корабельным соснам
сосланным по земле

двум колыбельным песням
в самом глухом часу
может и мы воскреснем
из темноты полесий
призрачно на весу
наперекор невстречам
невосполнимым дням
сойка и сизый кречет
не приучённый к речи
и золотым чинам

в маетном беззаконье
долгого февраля
может ли быть такое
что и для нас покоя
приберегла земля

как я тебя пою
и на каком краю
хлебных каких краях
мы с тобой не поели

встанем ли у стены
слаженной из сосны
этой ли мы сыны
всё пережившей ели

поле ли буерак
неотменимо так
тысячелистник мак
мятлица луговая

голодно — негрешно
снег — да и тот пшено
всякое суждено
до неживого края

точка точка запятая
я и я и ты
словно солнцем залитая
улица а в ней летают
словно а-и-сты
наши брошенные речи
в броуновской тьме
тчк-чирик-тире-чик
прикоснись ко мне

за неживыми буквами
за меловой межой
лодочки стан бамбуковой
блѣклой передвижной

выйдешь к воде и ласково
тронешь её плечо
всѣ пропадѣт под пасху
слѣзно и горячо

ничего не сделалось
в ночь на понедельник
бесконечность белая
поскрип корабельный

пустота апрельская
непреложный свет
посмотри по-детски и
промолчи в ответ

поэзия это звук
звук это вибрация
вибрация это качание
отчаянье отчаянье
но неотреченье рук

как тебя отнимали
от моего словца
месяц по краю алый
тающий без конца
облако кучевое
долго тянул как трал
только всё эти двое
я и моё живое
знали тебя и внове
месяц не прогорал

выйдешь ко мне из комнаты
в комнату вот же ну
будут дождя исполнены
в тёплую рыжину
струи портьер и белое
кинется на паркет
солнце осоловелое
есть оно
нет
есть
нет

мы не опишем бедные
мир этот в двух словах
но проживём наверное

ах как портьера ветрена
как сокровенна ах

время это брренное
в сторону качнись
для всего наверное
существует жизнь

ко всему так кажется
попривыкнет свет
сердце неприкаянно
но другого нет

как поют эти птицы
о чём и кому и куда
мы с тобой очевидцы
разграблены города
расцарапанный ворот
молчи и молчи и молчи
что мы есть скрипачи
на берёзовой связке
на честном таком ковыле
говори мне о вязком
о воске о босхе земле
и босой словно росы ступай
на раскрошенный край
и играй и играй и играй

как поют эти птицы
так стыдно кому-нибудь петь

всё совсем обелится
до-слу-шать-ся
до-тер-петь

так меня послушай
как сосну и мак
ничего не лучше
несладимо так

это я с порога
яблоневый звон
разношу по слогу

ко всему закон
всякому неволя
никому весна

маковое поле
яблоня
сосна

человек увидит снег
если это человек
если это человек
отчего ему так странно

я тебя увижу там
где простор и простота
там где белая проста
высота и бездыханна

встанем тонкомерно
у того окна
где в два наших роста
вишенно видна
тяжкая тугая
алая нагая
безответность дня

не
оставь
меня

нас ещё будет сколько-то
жарко на берегу
где мурава высокая
иглы стрекоз в стогу
в старомосковской заводи
в бреши подъездных рам
где и стихи по памяти
и меловым губам
лодка плафона родственна
сколько так простоим
бедственно просиротствуем
острые словно дым
долгие как прощание
прошлые по хлопку
нас истолкуют разве что
набело истолкут
выговорить не выговорить
выгореть что истлеть
нас ненароком выберут
выплеснуться и вылюбить
а до того —
не сметь

так мы стояли на ветру
ты не умрёшь
я не умру

и так читая по губам
как бледный узнавая лепет
за занавеской
(многолетник
рассыпавшийся по слогам
на год предшествующий
этот
и тот что после)
так прочти
что всё произошло почти
ещё два столкновенья веток
ещё калитки тонкий скрип
и бег ручья искрист искрист
и угасание движенья
уже не звук но только жженье
пчела пчела
оса оса
и полоса та полоса
шальная в половину света
про это я молчу
про это